

УДК 94(470)"18/19"-055.1

**МУЖСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ
МАСКУЛИННОСТЬ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО)**

Н. Л. Пушкарёва

В статье рассматривается феномен писателя Л. Н. Толстого как «символа русской сексуальной мощи». В историографии США, посвященной русской сексуальной культуре, наиболее типичны ссылки на пример Л. Толстого. Частная интимная жизнь писателя рассматривается на основе его дневников, художественных произведений и оценок современников. Данная реконструкция является уникальным материалом для понимания моральных, этических и других социальных норм в процессе формирования маскулинности в российской дворянской культуре на рубеже XIX–XX веков. Сексуальность Л. Толстого теоретизируется в связи с социальной историей. Личность писателя рассматривается как образцовая мужская субъективность. Под конвенциональной маскулинностью в статье подразумеваются нормативные представления о маскулинности, сложившиеся в обществе и сознании отдельной личности. На основе его-документов, сохранившихся в наследии писателя, складывается его образ как носителя типичной для того времени агрессивной маскулинности. Из-за ранней психологической травмы в детский период жизни Толстого у него сложилось представление о боготворении в женщине материнского начала и отвращения к сексуальному в женщине-матери. Позднее эти идеи нашли отражение в его литературных произведениях, особенно в «Крейцеровой сонате». Ответственность за ранний сексуальный опыт и беспорядочную половую жизнь в юности писатель переносит на женщин. При этом известно его мнение о моральности института проституции. Сложности семейной жизни писателя с С. А. Берс, в том числе и интимной, кроются в отсутствии счастливого сексуального старта и распушенности в юности. Семейный разлад в конце 1880-х годов совпал с религиозными исканиями писателя и бурными дискуссиями в российском обществе по половому вопросу. Свое отношение к этой дискуссии Толстой выразил в «Крейцеровой сонате» (1891). И в личной жизни уже в 1890 году писатель пришел к необходимости раздельного проживания со своей супругой, посвятив себя служению Богу. После смерти писателя в 1910 году вдова сохранила все его наследие, включая личные дневники, которые раскрывали его интимную, в том числе и сексуальную сторону жизни Льва Толстого.

Ключевые слова: конвенциональная маскулинность, мужская сексуальность, Л. Н. Толстой, биография Л. Н. Толстого, русская дворянская культура.

Для цитирования: Пушкарёва Н. Л. Мужская сексуальность и конвенциональная маскулинность в русской дворянской культуре на рубеже XIX–XX вв. (на примере биографии Л. Н. Толстого) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 126–137.

Для многих читателей желание проникнуть в интимную сферу жизни великих скрывает попытку сбежать от серой повседневности, приобщиться к высокому, элитарному, и тем оправдать свои страсти, обнаружив схожее у тех, кто на Олимпе¹. Многочисленные слухи и анекдоты о жизни Л. Н. Толстого и его семье не перестают появляться на страницах газет, имя писателя постоянно мелькает в современных блогах, «живых журналах», в телепередачах, очевидно доказывая, что он остался навсегда и для всех символом русской сексуальной мощи. В США нет, наверное, ни одной книги об особенностях русской сексуальной культуры, в которой бы не упоминалось имя великого писателя, да и сами названия – вроде знаменитого бестселлера Даниэля Ранкур-Лаферьера «Толстой на кушетке. Женоненавистничество, мазохизм и “отсутствующая мать”» – говорят сами за себя. Нетривиальные взгляды писателя на сексуальную сферу по-прежнему являются предметом живых обсуждений, хотя со времени его смерти скоро минет 200 лет. Л. Н. Толстой – исключительное по яркости культурное явление. Проникая в особенности его частной жизни (а они очень подробно сохранились в его дневниках), мы ищем и постигаем типичу, выясняя скрытые, но устойчивые законы репродуктивного поведения россиян его социального слоя на рубеже XIX–XX вв. В данной статье ставится задача проследить социализацию подростка, жизнь мужчины и складывание психотипа образованного русского представителя высшего сословия, мечущегося между собственными желаниями и условностями, конвенциями, сформулированными и заданными обществом и сословием. Будем исходить из того, что маскулинность как дескриптивная (описательная) категория означает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам в любом обществе, в данном случае – в российском, модернизирующемся социуме на рубеже XIX–XX вв. [9]. Частная жизнь выдающихся людей – нередко не самая удачная, интересная и красивая страница их судеб, однако она – важнейший материал, нужный для понимания представлений о «разрешенном» и «запрещенном», выработанных религией, социальными нормами, медициной, а также самими великими личностями прошлого по мере их личностного становления, потому и сексуальность может быть теоретизирована только в связи с историей социального порядка. «Образцовую» мужскую субъективность (которую нам являет личность Л. Н. Толстого) невозможно мыслить в отрыве от идеологии, которая конструирует нормативность этой мужской субъективности и предписывает не отклоняться от свода этих неписаных правил. Идеология – система дискурсивных концепций и категорий, с помощью которых люди понимают, оценивают, переживают сложившееся у них представление о реальных условиях своего существования. Такой подход к идеологии позволяет реконструировать доминирующие в обществе представления, поскольку идеология выводится из политического контекста и переводится в контекст массового дискурса [19].

Нормативные представления о маскулинности – или *конвенциональная маскулинность* – формируются на основе «преобладающей установки» (*dominant fiction*) [21]. Ее считают ключевым конструктом идеологической реальности (поскольку пол постоянно, имплицитно присутствует в повседневном сознании); она выступает посредником между отдельной личностью (субъектом) и социумом, поддерживая и конструируя сексуальные различия [18, с. 82].

¹ Поддержано ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность» и РГНФ (грант 16-01-00136).

В данной статье рассматривается его-документальный материал, связанный с личностью великого писателя, и ставится задача рассмотреть особенности самосознания, самоощущений и самореализации Л. Н. Толстого как носителя типической для того времени агрессивной маскулинности. Представления о должном и возможность нарушения или поддержания конвенциональных условностей стали для Л. Н. Толстого не столько орудием самоосвобождения, сколько личной дисциплины, которая по мере развития личности писателя укреплялась и которую ему захотелось (с годами) навязать всему обществу. Несмотря на большой нравственный авторитет писателя, современники категорически не согласились с ним. А. П. Чехов, в частности, отметил, что суждения Толстого на тему сексуальной жизни и должного в ней изобличают его «как человека, не потрудившегося прочесть хотя бы две-три книжки, написанные специалистами» [1, с. 137]. Возможно, это, действительно, так и было.

Напомним раннее детство писателя. Трагически рано, в двухлетнем возрасте, лишившись матери, Л. Н. Толстой навсегда сделал объектом боготворения в женщине материнское начало, раз и навсегда обозначив для себя, что все, что касается сексуального, – грязно, пошло, «похотно». Психологи видят в истории детской психотравмы писателя (он всю жизнь «злился» на мать из-за того, что – по словам родных и прислуги – мать ни разу не приложила его к своей груди, немедленно отдав кормилицам, да еще и «покинула» его – умерла столь рано, что он не запомнил черт ее лица) причину его косвенного гнева в отношении всех женщин. Особенное его раздражение вызывали те, кто и не помышлял о материнской самореализации. Свой яростный протест против таких «праздных» женщин он вложил в уста главного героя «Крейцеровой сонаты» Василия Позднышева, который подробно описывал чувство отвращения, охватывавшее его при мысли о коитусе с женой в период, когда она кормила грудью. Явно осуждая тех матерей, которые и не пытались в такие периоды ограничить проявления своей сексуальности (Позднышев, напомним, убил неверную супругу, «позабыв», что она – мать пятерых его детей), писатель открыто выражал враждебное отношение ко всем «бесстыдным, заведомо развратным» женщинам, которые не выказывали постоянной радости от возможности вынашивать, рожать и кормить грудью своих детей. В то же время – устами все того же Позднышева – писатель «признавал за собой несомненное, полное право над ее [жены – *Н. П.*] телом, как будто это было мое тело, и вместе с тем чувствовал, что... владеть этим телом не могу, и что она может распоряжаться им, как хочет...».

Росший без матери, без столь важных для растущего мальчика материнских прикосновений, Л. Н. Толстой испытал проявления ранней чувственности, осознанные им как «что-то не то», в весьма раннем детстве. Они оставили у него неизгладимое воспоминание, дав основание для его своеобразной, инфантилизованной, «философии секса» на всю жизнь. «Первая, самая сильная» любовь лирического героя к Сонечке Калошиной, описанная в «Детстве», имеет много общего с действительной детской историей маленького Левушки, поведенной им впоследствии, в 1903 году, в письме к П. И. Бирюкову: «Выражалось это чувство вот как: мы, в особенности я с Митенькой и девочками, садились под стулья, как можно теснее друг к другу... и говорили, что мы – «муравейные братья», и при этом испытывали особенную нежность друг к другу. Иногда эта нежность переходила в ласку гладить друг друга, прижиматься друг к другу, но это было редко, и мы сами чувствовали, что это не то, и тотчас же останавливались» [2; 3]. Этот, как сам определял его будущий писатель, «чудесный, в особенности в сравнении

с последующим, невинный, радостный, поэтический период с детства до 14 лет» – сменил второй, «ужасный 20-летний период».

Интимные переживания Толстого в дни его юности и молодости, которые он в записях января 1903 года («Воспоминания») назовет годами «грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, похоти» нашли отражение в дневниках, которые он вел с 14 до 34 лет. Период от первых подростковых влюбленностей до времени его женитьбы в 1862 г. как раз и составил 20 лет. Эти дневники и письма его «прежней, холостой жизни» 1848–1862 гг., как и вторая часть трилогии «Детство. Отрочество. Юность», позволяют в буквально смысле увидеть процесс взросления талантливого и эмоционального подростка.

Переламывая негласную традицию не писать о том, что молодой человек до женитьбы иницируется (используем слова писателя, вложенные опять-таки в уста героя «Крейцеровой сонаты») «посещением домов», «ни слова... о горничных, кухарках, чужих женах», о распутстве, «которое наполняет половину жизни наших городов и деревень», писатель признавался: «Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне [не] хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет – время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту пору действует с необыкновенною силою» (29.11.1851). В другом позднем автобиографическом по характеру тексте («Записках сумасшедшего») он подчеркнул, насколько точно запомнил возраст: «Но с четырнадцати лет, с тех пор как проснулась во мне половая страсть, я отдался пороку. Как все мы, воспитанные на жирной излишней пище, изнеженные, без физического труда и со всеми возможными соблазнами для воспаления чувственности, и в среде таких же испорченных детей, мальчики моего возраста научили меня пороку. Я стал знать женщин... В одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского полу, а стал видеть женщину, от которой могли зависеть мое спокойствие и счастье...» [17].

Именно в этом возрасте, полагал будущий писатель, «тело побеждает и наносит первую глубокую рану». Имя той горничной, как теперь известно, было Маша, Маша Брускова, и выросший сын ее впоследствии просил у Л. Н. Толстого денежного пособия, мотивируя свою просьбу тем, что он «сын той самой Маши, что изображена в «Отрочестве». Победенный страданиями пробуждающегося тела, подросток смотрел на них (как он позже записал, но, вполне вероятно, это размышления зрелого человека) как «на тяжелую повинность тела», а «не как на наслаждение», и опрометчиво пометил в скобках: «Я редко впадал в этот грех». Однако в реальности «впадение в грех» было все же нередким, если в 19 лет «тяжелая повинность тела» привела писателя прямоком в больницу, и в дневнике 1847 г. он записал: «Мелочи могут привести к серьезным последствиям. Беспорядочная жизнь, которую принимают за следствие молодости, если ничто иное как следствие раннего разврата души» [4].

Оказавшись после больницы в своем имении, он постоянно ставил перед собой задачу «не иметь ни одной женщины», но при этом оговаривался: «исключая некоторых случаев, которых не буду искать, но не буду и упускать». О каждом из них он скрупулезно записывал в дневниках, часто с подробностями – как он сам считал, «себе в наказание»: «Мучает меня сладострастие – не столько сладострастие, сколько сила привычки... Не смог удержаться, подал знак чему-то розовому, которое в отдалении казалось мне очень хорошим, и отворил сзади дверь, она

пришла... Чувство долга и отвращение говорили против, похоть и совесть говорили за. Последние одолели...» (17.04.1851).

Пытаясь оказать сопротивление пробудившейся чувственности, Толстой искал, на кого можно было бы свалить вину за нее, – и таковые объекты находил. По его записям в дневниках легко проследить, что обвинение падает на «девок» – горничных, крепостных, от расположенности которых к интимному общению с барчуком зависело выполнение или невыполнение той самой задачи «иметь» или «не иметь» интимных отношений: «О срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила» (5.04.1852); «Ходил стучаться к К., но, к моему счастью, мне помешал прохожий» (11.04.1852); «Благодарю Бога за стыдливость, которую он дал мне; она спасает меня от разврата» (31.05.1852); «Девки сбили меня с толку!» (23.06.1853); «Упрекаю себя за лень и в последний раз. Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь. Еще упрекаю за непростительную нерешительность с девками» (1.08.1854).

Мораль торжествовала лишь тогда, когда задуманное почему-то срывалось. Кроме того, любой читатель писем Л. Н. Толстого не может отрешиться от чувства, что будущий писатель постоянно лицемерил сам с собою. Не к зрелым годам, а с самой что ни на есть юности он отличался странным резонерством и морализаторством, отмеченным и некоторыми его корреспондентами (так, молоденькая соседка по имени Валерия Арсеньева, на которую поначалу родственники Льва имели некоторые виды в смысле женитьбы, прямо попрекала его в письме 12.12.1856, что он «только и умеет, что читать нотации»). Между тем, девушка, к женитьбе на которой подталкивали будущего писателя, его не слишком волновала: «Беда, что она без костей и без огня, – сетовал он, – точно лапша. А добрая, и улыбка есть – болезненно покорная».

Те самые 1850-е годы в биографии писателя оказались тесно связанными с Кавказом, куда он был направлен служить и где записал (уже как воспоминания) все приведенное выше. О том, что «удовлетворение половой потребности» оказалось у Толстого в то время внесенным в список дел наравне с литературными заданиями и практическими работами, трудно прочесть без улыбки. Молодой пассонарий даже мотивировал этот свой статус: по его словам, «насильственное воздержание мешает занятиям», а «греха мало», «ибо сами... девки мешают» (29.06.1853): «Весна сильно действует на меня. Каждая голая женская нога, кажется, принадлежит красавице» (18.04.1853).

Десятки лет спустя, он, по воспоминаниям М. Горького, как-то спросил А. П. Чехова: «Вы сильно распутничали в юности?» – и на смятенную ухмылку собеседника, «глядя в море, признался: «Я был неутомимый...» – и «произнес соленое мужицкое слово» [5, с. 20, 60]. Настаивая на необходимости утолнения телесной «жажды», 25-летний подпоручик Толстой уверенно пришел к выводу о том, что проституция – «моральна». «Распутные женщины», счел он, «наравне с повивальными бабками, няньками, экономками», вполне могут носить «почетное звание тех, кто обеспечивает добродетель у домашнего очага». «Этот класс женщин необходим для семьи при теперешних усложненных формах жизни» – подтвердил он позже, 19 марта 1870 г. в одном из частных писем [13].

Так или иначе, но из осажденного Севастополя (началась Крымская война) молодой писатель уехал в ноябре 1855, полный чувственных вожделений: «Это уже не темперамент, а привычка разврата. Похоть ужасная, доходящая до физической болезни» (21.04.1856). Светская жизнь конца 1850-х увлекла его, он искал новых

ощущений – но уже в «своем» кругу, поэтому в списке его увлечений оказались Е. Ф. Тютчева («холодна, мелка, аристократична; привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом»), П. С. Щербатова, А. Н. Чичерина, Е. И. Менгден, Е. В. и А. В. Львова (о последней он записал: «Поднялось, но не с такой силой») – но ни в ком не находил идеала: «Что это ради Бога? Что я за урод такой? Видно, у меня не достает чего-то?» – спрашивал он сам себя, но ответа не находил. В сугубо мужских компаниях он предпочитал поминать женщин грубой бранью (правда, собеседники из образованного сословия считали, говоря словами все того же М. Горького, что «слова, исходя из мохнатых уст его, звучали просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь»). При этом любое упоминание о *женском вопросе*, живо обсуждавшемся тогда в печати всей мыслящей столичной интеллигенцией, вызывало у него раздражение. В 1856 году на собрании петербургских литераторов писатель с негодованием отозвался о Жорж Санд, заявив, что ее блудных душою героинь следовало бы привязать к телеге и с позором провести по улицам Петербурга [16].

«Жениться надо, жениться в нынешнем году или никогда», – поставил он диагноз своей меланхолии, записав это в дневнике от 1 января 1859. Но лишь в августе 1862 ему случилось быть приглашенным на званый обед в семью Берс, в которой он заметил одну из юных сестер – Софью, чье детское прозвище Фуфёла нежданно показалось ему милым («Что ежели это желание любви, а не любовь? Ребенок! Похоже...» – размышлял он 23.08.1862). Но сомнения были не в его характере. Решение 34-летний писатель принял по-военному быстро. Не прошло и месяца с той встречи, как 16 сентября он сделал предложение 18-летней Софье Андреевне Берс. 23 сентября 1862 г. сыграли свадьбу. С Софьей Андреевной (в замужестве Толстой) ему оказалось суждено прожить почти полвека – до 1909 года, 48 лет. Из этих 48 лет, по дневниковым признаниям писателя, «не изменяя», тридцать три последних года он мечтал от нее сбежать, но реализовал свою мечту лишь перед самой смертью, в возрасте 82 лет, покинув ночью дом и уйдя на станцию Астапово.

О начале своей жизни после свадьбы Л. Н. Толстой писал, что в сентябре 1862 года начался «18-летний период от женитьбы до моего духовного рождения можно бы назвать нравственным... Все эти 18 лет я жил нравственной, честной семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам...». Л. Н. Толстой, имевший к своим 34 годам не слишком длинный «донжуанский список», похоже, так и не смог познать радость взаимного влечения, не потому ли он был склонен считать первый – медовый – месяц «самым тяжелым и унижительным временем жизни» с женой. Вполне в соответствии с воспитательными установками той эпохи, он был уверен, что в это время его мужская страсть не зажигала, а лишь оскверняла душу и тело невинного создания. Весьма странное для опытного мужчины восприятие полового акта как «убийства» женщины («Чувственность и убийство. Да, сударь!» – именно так рассуждает один из его героев) нашло отображение в словах и поступках многих литературных персонажей, созданных писателем. Среди них, например, образ Пьера Безухова, у которого мысль о сексе с Элен вызывала чувство вины. Другой и самый выразительный пример – герой «Крейцеровой сонаты» Василий Позднышев, который считал орган своего интимного возбуждения орудием разрушения, которое «корезит изнутри женское тело».

Подобный строй мыслей не мог не оставить следа на характере отношений между Л. Н. и С. А. Толстыми. При отсутствии материнской ласки в детстве, искаженном

религиозными установками воспитания, отсутствии счастливого сексуального «старта» в юности писатель был не лучшим советником для молодой жены. И при таком отношении к сексуальности со стороны более опытного брачного партнера, которым был Л. Н. Толстой, трудно было ожидать, что Софье в начальный период их супружества что-то будет в радость. Неудивительно, что она беспрестанно обвиняла мужа в развращенности.

Л. Н. Толстой, как и его лирический двойник из романа «Анна Каренина» Константин Левин, отдавший – «не без внутренней борьбы» – своей жене Кити дневник с записями о прежней, холостяцкой жизни, поступил аналогичным образом с женой, Софьей Андреевной. Дневник познакомил ее со всеми интимными подробностями встреч мужа с прежними юными особами. Это заставило ревновать ее к прошлому мужа, к тому, что он до встречи с нею любил, чем увлекался, чему переживал – и все это отнюдь не в мечтах (как она), не в воображении, а увлекался всерьез «женщинами – живыми, хорошенькими, с чертами лиц, которыми он любовался» (дневник был начат Софьей Андреевной на 16-й день после свадьбы, запись 18.10.1862). Как раз в это время, через месяц после свадьбы, она первый раз забеременела, так и не узнав радости от физической близости с мужем. «Так противны все физические проявления!» – записала С. А. в дневнике 09.10.1862, и полгода спустя вторила: «Лева все больше от меня отвлекается. У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно; у меня – никакой, напротив» (29.04.1863).

О том, что чувственная сторона жизни продолжала в то время играть огромную роль в жизни великого писателя, говорят не только брезгливые ремарки его молодой жены, но и воспоминания его близких. Его сын Алексей, выпустивший в 1924 г. воспоминания («Правда о моем отце») записал: «Он не был свободен от этой, самой ужасной из страстей, ни в юности, ни позже, во время своей семейной жизни» [11].

Что касается Софьи Андреевны, то она как раз была «свободна» от этой «самой ужасной из страстей» в силу нескончаемых беременностей и родов. Сергей (1863), Татьяна (1864), Илья (1866), Мария (1871), далее последовали умершие в младенчестве Петр (1872) и Николай (1875) – и всем им нужно было дарить время, силы.

К началу 1870-х гг. писатель стал все чаще ощущать угнетенное состояние, разочарование. Мучительные сомнения, «правильно» ли он живет, заставляли искать обоснования чувственности близости, которые всегда должны были, с его точки зрения, представлять лишь как средство (рождение детей) и никогда как самоцель. Эти воззрения на сексуальность, сильно замешанные на православной этической концепции, лишили его жену радостей интимной жизни и подарили ей лишь вечные муки постоянного вынашивания детей, страхов перед родами, а также заботы о здоровье рожденных ею. Между тем Л. Н. Толстой не забывал приговаривать: «Рад, что ты беременна, это – по-божески. А то мне что-то было неприятно...» (1871) [10].

Он чувствовал свое одиночество в семье, впервые записал это ощущение в 1876 г., затем пытался все чаще размышлять о том, как «найти жену в ней же», но супруги все более душевно и телесно отдалялись друг от друга. Пережив период частых родов и просто повзрослев, к своим 30-ти с лишним годам Софья Андреевна была готова наконец по-женски расцвести – но муж, приближавшийся к 50-летнему рубежу, уже миновал возраст неумных телесных радостей и искал обоснование успокоению и удовлетворению тихим семейным счастьем. Но его – где бы ни жила семья, в Москве ли, в яснополянском имении, – как раз не было!

Семейный разлад стал очевидным и непреодолимым после 1880 года. Он совпал с активными религиозными исканиями писателя. «Сожитие с чужой по духу женщиной, т. е. с ней, – ужасно гадко», – выразил писатель в дневнике свои чувства к Софье Андреевне 19.07.1884 г., продолжая в то же время замечать в себе и «похоть мерзкую», и «сладоэротический соблазн», которые желал подавить. Он искал и не мог найти того «лучшего», что могло бы быть признанным совершенно и абсолютно нравственным: «Эка, скверно! Сделай себе потеху даже с женой – и ей, и себе скверно. Оскопись, как Ориген, – скверно. Мучься всю жизнь воздержанием и похотливостью, – скверно. Все скверно и все страдания...» (24.07.1885).

Размышления писателя совпали по времени с бурными общественными дискуссиями о «половом вопросе» [15]. Свой ответ на него он дал своими известнейшими произведениями, созданными в это время: «Дьяволом», «Отцом Сергием» и «Воскресением» и особенно – «Крейцеровой сонатой». Эта повесть Л. Н. Толстого в течение двух лет, пока решался вопрос о том, допустить ли ее к печати, читалась и толковалась сначала на вечерах в частных домах, а впоследствии, после издания в 1891 г., на страницах газет и журналов, да и в его собственной семье. Осуждая сексуальные отношения, писатель пытался доказать, что они (это кажется очень созвучным современным феминисткам, поэтому они часто и с удовольствием трактуют толстовские тексты) сводятся к борьбе за власть, к стремлению подчинить себе волю другого [14]. Именно поэтому брак, с точки зрения Л. Н. Толстого, не богоугоден, заключение брачных уз – всегда «падение», проявление «животного»: «Из страстей самая сильная злая и упорная – половая, плотская любовь» («Крейцера соната», 1889, гл. XI).

Близился момент признания писателем «прекрасности» одного только полового воздержания и сознательного отказа от чувственных наслаждений: близость между супругами в идеале, сформулированном к тому времени писателем, он призвал заменить нежными отношениями «брата» и «сестры»: «Предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь есть ведь нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить, и вспоминать мерзко и стыдно. Духовное сродство! Единство идеалов! В таком случае, незачем спать вместе (простите за грубость)...» («Крейцера соната», 1889, гл. II).

Писатель все чаще приходил к мысли о том, что достаточно освободить любовь от секса – и проблема будет решена. В пассаже, который Толстой вычеркнул из третьего наброска «Крейцеровой сонаты», Василий Позднышев говорил: «Такая любовь, эгоистическая и чувственная, это не любовь, а злоба, ненависть!». Так считал и сам писатель: стоит возвышенной влюбленности хотя бы немного окраситься в чувственные тона – и любовь становится своей противоположностью, ненавистью. В своем июньском дневнике 1884 г. писатель впервые пришел к выводу о необходимости прекращения супружеских отношений с Софьей Андреевной (отметим, однако, что ему было в тот момент около 60 лет), но и в 1889 г. (когда как раз была закончена «Крейцера соната») они все еще, по крайней мере время от времени, продолжались, писатель мучался размышлениями: «Что как родится ребенок? Как будет стыдно, особенно перед детьми. Они *сочтут*, когда было... Стыдно, грустно...» (06.08.1889).

Наложив на себя моральный запрет, уже немолодой, но по-прежнему полный жизненных (в том числе и сексуальных) сил писатель пришел к 1890 г. к необходимости

семейного раздела. Весьма эгоистично пытаюсь выстроить для себя идеальную модель будущей жизни отдельно от жены, он настаивал на немедленном разделе имущества и освобождении от обязательств перед семьей: «Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение Богу...» (22.12.1893); «Навсегда избавиться от этого бегания по крышам и мяукания...» (22.05.1897); «Как индусы под 60 уходят в лес, всякому старому религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить Богу» (1897).

В отличие от мужа, Софья Андреевна Толстая никаких подвигов самоотречения не желала, поскольку ее долголетняя жизнь с таким человеком уже была подвигом [12]. Постепенно она стала в имении полновластной хозяйкой, контролировавшей все, вплоть до часов работы мужа. Он жаловался, что не мог закрывать дверь в кабинет, чтобы сосредоточиться, – жене хотелось видеть, чем он занимается. Жаловался в письмах, но не протестовал, соглашался с этим образом жизни, поскольку считал его – с точки зрения именно половой морали – нравственным. Любила ли Софья Андреевна мужа? Многие, говорящие да, доказывают это, в том числе, тем, что она не могла заснуть, не прочтя все, написанное великим писателем за день. Утверждающие нет считают (на основании дневников писателя и его жены – скорее бывших средством их общения друг с другом, чем сокровищами интимно-личных переживаний), что она каждодневно унижала мужа, сопровождая это истериками и даже имитацией самоубийства.

И все же не стоит забывать: при отсутствии, как выражался Л. Н. Толстой, «внешнего согласия в верованиях», супруги продолжали жить вместе – и как раз по настоянию Софьи Андреевны – практически до самой смерти писателя. М. Горький в воспоминаниях привел свой разговор с писателем, в котором Л. Н. Толстой выразился с женщиной прямолинейностью: «Не та баба опасна, которая держит за ..., а которая – за душу!» [7]. Похоже, что избранная им в жены 18-летняя девочка принадлежала именно ко второму типу.

Когда в 1908 году Л. Н. Толстой услышал стихотворение Ф. И. Тютчева «Последняя любовь», то не одобрил его («В нем самое низменное чувство представляется возвышенным»). «Вот! – заметила, по словам Н. А. Стаховича, Софья Андреевна. – Я всегда говорила, что он любви не понимает и никого никогда не любил. Каково же мне было прожить с ним 46 лет. Самое лучшее в жизни есть любовь, не будь любви, я бы давно повесилась с тоски. Ничего нет дурного, а дурно то, когда возвеличивают» [6, с. 90]. Кроме одиночества и ответственности за семью и детей в своем настоящем, Софье как жене писателя пришлось пережить страшный суд истории. На том суде многие так и не простили ей страданий мужа, не поняли, что она выстрадала многими годами жизни рядом с этой нарциссической личностью, полной «любви-вражды» к самому себе и психологических комплексов на сексуальной почве. Писатель скончался в 1910 году в возрасте 82 лет. Софья Андреевна пережила супруга на девять лет. Именно благодаря ей сохранились многие вещи из дома, которые теперь можно видеть в доме-музее писателя в Хамовниках, а также дневники, на основании которых написана эта статья.

Список использованных источников

1. А. П. Чехов – А. А. Плещееву 15 февраля 1890 г. Цит. по: Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 2005.

2. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого, 3 изд. Т. I–IV, Гос. изд., М. – П., 1922–1923. Т. 1. Ч. 1. URL: www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/1896/page/50 (дата обращения: 1.10.2015).
3. Бирюков П. И. Лев Николаевич Толстой. (Биография). М.: Посредник, 1906–1908. Т. I–II.
4. Велигжанина А. Всю жизнь Лев Толстой боролся с похотью // Комсомольская правда. 6.04.2006.
5. Горький М. Воспоминания о Льве Николаевича Толстом. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1921.
6. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. 2-е изд. М., 1973.
7. Искандер Ф. Эссе и публицистика. Размышления писателя. URL: http://lib.ru/FISKANDER/isk_publ.txt (дата обращения: 12.09.2014).
8. Кон И. С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009.
9. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
10. Мицюк Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21–33.
11. Мицюк Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. Вып. 14. № 2. С. 49–68.
12. Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–29.
13. Новый сборник писем Л. Н. Толстого / собр. П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского. М., 1912.
14. Пушкарева Н. Л. «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. М.: Ладомир, 2004. Вып. 2. Кн. 2.
15. Пушкарева Н. Л. Экштут С. А. “Cherchez la femme!” (Дневники А. Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.) // А се грехи злые, смертные... Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. М., 1999. С. 681–71.
16. Ранкур-Лаферьер Д. Крейцерова соната. «Клейнианский анализ толстовского неприятия секса»: доклад на пленарном заседании // Психоанализ, литература, искусство: 15-я международная конференция. Санкт-Петербург, 4 июня 1998-го года. URL: http://www.symboldrama.ru/lyb/Statyi/Rankur-Laferer_Kreye_sonata.htm (дата обращения: 17.09.2014).
17. Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего (1887). URL: <http://www.sky.od.ua/~serg2004/40.html> (дата обращения: 19.05.2014).
18. Трубина Е. Г. «В форме себя держать!»: Социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии // Ушакин С. А. О муже(N)ственности. М., 2002.
19. Althusser L. Ideology interpellates individuals as subjects // Identity: A Reader / Ed. P. du Gay at al. London, 2000. P. 31–38.
20. Rancour-Laferriere Daniel. Tolstoy on the Couch: Misogyny, Masohism and the Absent Mother. N. Y. New York University press, 1998.
21. Silverman K. Male Subjectivity at the Margins. London, 1992. P. 16.

Поступила 11.06.2016; принята к публикации 12.07.2016

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, Россия, г. Москва, pushkarev@mail.ru

**MALE SEXUALITY AND CONVENTIONAL MASCULINITY
IN RUSSIAN ARISTOCRATIC CULTURE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF L. N. TOLSTOY’S BIOGRAPHY)**

N. N. Pushkarjova

The article deals with the phenomenon of the writer L. N. Tolstoy as a “symbol of Russian sexual power.” In the US historiography devoted to Russian sexual culture, references to the example of L. Tolstoy are the most typical. Private intimate life of a writer is considered based on his diaries, works of art and contemporary estimates. This reconstruction is a unique material for an understanding of the moral, ethical and other social norms in shaping masculinity in the Russian noble culture at the turn of XIX–XX centuries. Sexuality of Tolstoy is theorized in relation to social history. The identity of the writer is seen as a model male subjectivity. Under conventional masculinity in the article there are mentioned normative ideas about masculinity prevailing in the society and the consciousness of the individual. On the basis of ego-documents preserved in the heritage of the writer, his image is formed as a carrier of aggressive masculinity which was typical for that time. Because of children's psychological trauma in children during Tolstoy's life, he had the idea of worshipping maternal start in a woman and aversion to sex in the woman-mother. Later these ideas were reflected in his literary works, especially in the “Kreutzer Sonata”. Responsibility for the early sexual experiences and sexual promiscuity in his youth the writer brings to women. By the way his opinion on the morality of the Institute of prostitution is known. The complexities of family life of the writer with S. A. Bers, including sexual, are rooted in the absence of a happy start and sexual promiscuity in his youth. Family discord in the late 1880s coincided with the religious quest of the writer and heated debate in Russian society on sexual matters. His attitude to this discussion Tolstoy expressed in the “Kreutzer Sonata” (1891). And in his personal life already in 1890, the writer came to the need for separate life with his wife, devoting himself to the service of God. After the writer's death in 1910, his widow has maintained all of his heritage, including personal diaries, which revealed his intimate, including sexual side of life.

Keywords: conventional masculinity, male sexuality, L. N. Tolstoy, L. N. Tolstoy’s biography, russian aristocratic culture.

Citation for an article: Pushkarjova N. L. Male sexuality and conventional masculinity in Russian aristocratic culture at the turn of XIX–XX centuries (on the example of L. N. Tolstoy’s biography). *West – East*. 2016, no. 9, pp. 126–137.

References

1. A. P. Chehov – A. A. Pleshheevu 15 fevralja 1890 g. Cit. po: Kon I. S. Seksual'naja kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke [Sexual culture in Russia. Strawberry on the birch]. Moscow, 2005. (In Russ.)
2. Birjukov P. I. Biografija L. N. Tolstogo [Biography of L. N. Tolstoy.], 3 izd. T. I–IV, Gos. izd., M. – P., 1922–1923, t. 1, ch. 1. URL: www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/1896/page/50 (accessed 1.10.2015). (In Russ.)
3. Birjukov P. I. Lev Nikolaevich Tolstoj. (Biografija) [Leo Nikolaevich Tolstoy. (Biography)]. Moscow: Posrednik, 1906–1908, t. I–II. (In Russ.).
4. Veligzhanina A. Vsju zhizn' Lev Tolstoj borolsja s pohot'ju [All his life Leo Tolstoy struggled with lust]. *Komsomol'skaja Pravda*. 6.04.2006. (In Russ.)
5. Gor'kij M. Vospominanija o L've Nikolaevicha Tolstom [Memories about Leo Nikolaevich Tolstoy]. Berlin: Izd-vo I. P. Ladyzhnikova, 1921. (In Russ.)
6. Gusev N. N. Dva goda s L. N. Tolstym [Two years with L. N. Tolstoy]. 2-e izd., Moscow, 1973. (In Russ.)
7. Iskander F. Jesse i publicistika. Razmyshlenija pisatelja [Essays and journalism. Reflections of writer]. URL: http://lib.ru/FISKANDER/isk_publ.txt (accessed 12.09.2014). (In Russ.)
8. Kon I. S. Mal'chik – otec muzhchiny [A boy is a father of a man]. Moscow: Vremja, 2009. (In Russ.)

9. Kon I. S. Muzhchina v menjajshhemsja mire [A boy in a changing world]. Moscow: Vremja, 2009. (In Russ.)
10. Micjuk N. Konstruiruju «ideal'nuju mat'»: koncepcii materinstva v rossijskom obshhestve nachala XX veka [Constructing an “ideal mother”: the concept of motherhood in Russian society in the beginning of XX century]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* = Journal of Social Policy Studies, 2015, no. 1, pp. 21–33. (In Russ.)
11. Micjuk N. A. Sredstva kontracepcii v povsednevnoj zhizni dvorjanok na rubezhe XIX–XX vekov [Contraceptive means in everyday life of noblewomen at the turn of XIX–XX centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* = Vestnik of the Tver State University, series: History. 2014, vyp. 14, no. 2, pp. 49–68. (In Russ.)
12. Micjuk N. A. Tipy rossijskih dvorjanok nachala XX veka po otnosheniju k sobstvennoj fertilitnosti i materinstvu [Types of Russian noblewomen beginning of XX century in relation to their own fertility and maternity]. *Zhenshhiny v rossijskom obshhestve* = Women in the Russian society, 2014, no. 2, pp. 17–29. (In Russ.)
13. Novyj sbornik pisem L. N. Tolstogo [A new collection of letters of Tolstoy]. Sobr. P. A. Sergeenko, pod red. A. E. Gruzinskogo, Moscow, 1912. (In Russ.)
14. Pushkareva N. L. «A se grehi zlye, smertnye». Russkaja semejnaja i seksual'naja kul'tura glazami istorikov, jet-nografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka [“And these sins are evil, death.” Russian family and sexual culture through the eyes of historians, ethnographers, writers, folklorists, jurists and theologians XIX – early XX century]: v 3 kn. Moscow: Ladomir, 2004, vyp. 2, kn. 2. (In Russ.)
15. Pushkareva N. L. Jekshtut S. A. “Cherchez la femme!” (Dnevnik A. N. Vul'fa kak istochnik po istorii russskoj jeroticheskoj kul'tury nachala XIX v.) [“Cherchez la femme!” (Diaries A. N. Wulf as a source on the history of Russian erotic culture of the beginning of XIX century)]. *A se grehi zlye, smertnye... Ljubov', jerotika i seksual'naja jetika v doindustrial'noj Rossii (X – pervaja polovina XIX v.)*. = And these sins are evil, death... Love, eroticism and sexual ethics in the pre-industrial Russia (X – the first half of XIX century), otv. red. N. L. Pushkarjova. Moscow, 1999, pp. 681–71. (In Russ.)
16. Rankur-Lafer'er D. Krejcerova sonata. «Klejnianskij analiz tolstovskogo neprijatija seksa»: doklad na plenarnom zasedanii [Rancourt-Laferer D. Kreutzer Sonata. “Kleinian analysis of Tolstoy's rejection of sex”: a report at the plenary session]. *Psihoanaliz, literatura, iskusstvo: 15-ja mezhdunarodnaja konferencija* = Psychoanalysis, literature, art: 15th International Conference. Sankt-Peterburg, 4 ijunja 1998-go goda, URL: http://www.symboldrama.ru/lyb/Statyi/Rankur-Laferer_Kreyc_sonata.htm (accessed 17.09.2014). (In Russ.)
17. Tolstoj L. N. Zapiski sumasshedshego (1887) [Notes of a mad man 18. (1887)]. URL: <http://www.sky.od.ua/~serg2004/40.html> (accessed 19.05.2014). (In Russ.)
18. Trubina E. G. «V forme sebja derzhat'!»: Social'nye simptomy i jekzistencial'nye tupiki muzhskoj biografii [“Keep in shape”: Social symptoms and existential impasses male biography]. Ushakin S. A. *O muzhe(N)stvennosti* = About masculinity, Moscow, 2002. (In Russ.)
19. Althusser L. Ideology interpellates individuals as subjects. *Identity: A Reader*. Ed. P. du Gay at al. London, 2000, pp. 31–38.
20. Rancour-Laferriere Daniel. Tolstoy on the Couch: Misogyny, Masohism and the Absent Mother. N. Y. New York University press, 1998.
21. Silverman K. Male Subjectivity at the Margins. London, 1992, p. 16.

Submitted 11.06.2016; revised 12.07.2016

Pushkarjova Natal'ja L., Doctor of History, Full Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, pushkarev@mail.ru